

23 января (5 февраля)

Преподобномученицы
Евдокия (Кузьминова), Екатерина (Черкасова)
и мученица **Милица Кувшинова**

Преподобномученица Евдокия родилась 4 августа 1884 года в заштатном городе Воскресенске* Звенигородского уезда Московской губернии. Отец ее, Петр Давидович Кузьминов, был отставным солдатом Санкт-Петербургского гренадерского Фридриха-Вильгельма III полка, мать, Александра Ивановна, – дочерью крестьянина Ивана Иванова из деревни Котерёво, расположенной в трех верстах от Воскресенска. Родители обвенчались в январе 1879 года по возвращении Петра Давидовича с войны, где его полк участвовал в основных сражениях, в том числе и под Плевной. На следующий день после рождения девочки священник приходской церкви Вознесения Господня Сергей Холмогоров крестил ее с именем Евдокия в честь преподобномученицы, память которой праздновалась 4 августа.

Послушница Евдокия Кузьминова. Москва, тюрьма НКВД. 1938 год

После открытия в 1909 году в Москве Марфо-Мариинской обители, настоятельницей которой стала великая княгиня Елизавета Федоровна, Евдокия поступила в обитель и несла послушание сестры милосердия. Когда монастырь был советской властью закрыт, она вернулась на родину, но впоследствии за пребывание в монастыре власти лишили ее гражданских прав. В 1934 году

* Ныне город Истра.

Евдокия подала заявление о восстановлении ее в правах, но получила ответ: «В правах гражданства отказать, как бывшей монахине».

В Истринском районе тогда жила послушница Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря Екатерина (Черкасова). Преподобномученица Екатерина родилась 21 ноября 1892 года в деревне Кашино Яропольской волости Волоколамского уезда Московской губернии в крестьянской семье Михаила Поликарповича и Елены Ильиничны и на следующий день была крещена в приходской церкви Рождества Богородицы с именем Екатерина, в честь великомученицы Екатерины.

Образование Екатерина получила в церковно-приходской школе. В 1915 году она поступила в Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь, располагавшийся в Клинском уезде поблизости от сельца Акатово. В монастыре в то время было два храма и около ста сестер, он был создан в 1890 году сначала как община, а в 1898 году получил статус монастыря.

Послушница Екатерина Черкасова. Москва, тюрьма НКВД. 1938 год

Послушница Екатерина подвизалась здесь до 1922 года. Когда начались гонения на Церковь, она была вынуждена покинуть монастырь и поселиться в селе Макруша Истринского района, где жили в то время многие сестры из разоренных обителей. Жизнь в единомыслии и при едином желании спастись, жизнь хотя и не в стенах монастырских, но всё же вполне уставная, духовно поддерживала осиротевших сестер. Они, как драгоценный бисер с разорванной нитки строго-уставной жизни обителей, были рассыпаны по миру, становясь для людей идеалом, нравственным образцом и церковным украшением. У начинающего вдруг унывать христианина рождалась в душе радость и укреплялась вера при виде этих смиренно и просто несущих крест послушания

Христу монахинь и послушниц. Подвизаясь не только при храмах, но и в миру, они одних укрепили в вере, других привели ко Христу.

В городе Истра с начала 1930-х годов жила и мученица Милица. Она родилась 23 ноября 1891 года в селе Улиновка Кобелякского уезда Полтавской губернии в семье Ивана Кувшинова, чиновника, служившего на железной дороге. Образование Милица получила в гимназии. Жила она замкнуто и была близка лишь с монахинями и послушницами, которых много тогда поселилось в этом городе. Она была человеком глубоко верующим, и, собирая сведения о ней для ареста, сотрудники НКВД охарактеризовали ее как бывшую монашку и убежденную церковницу. Однако на следствии Милица Ивановна свидетельствовала, что монашеский постриг она не принимала.

Милица Ивановна Кувшинова. Москва, тюрьма НКВД. 1938 год

Украшением города был построенный в 1805-м и перестроенный заново в 1912 году Вознесенский храм, в котором трудились членами церковного совета и певчими монастырские послушницы и монахини. В течение нескольких лет советские власти вели упорную борьбу с прихожанами, добиваясь его закрытия.

Бережно относясь к храму Божию, прихожане ремонтировали его в соответствии с возникавшей необходимостью – в 1931-м, в 1932-м и в 1933 годах, но речь о капитальном ремонте идти не могла, так как храм и выстроен был недавно, и построен прочно. В 1933 году служившие здесь священник Александр Понятский и диакон Николай Успенский были арестованы и сосланы.

10 мая 1934 года в Вознесенский храм явилась назначенная местными истринскими властями комиссия, в состав которой вошли: член президиума городского совета, помощник начальника районного управления милиции, заведующий благоустройством городского коммунального хозяйства, два техника и инспектор пожарной охраны. Комиссия должна была описать состояние храма,

как аварийное с невозможностью его дальнейшего использования без проведения капитального ремонта. После осмотра комиссия потребовала в течение месяца снести купол храма и вместо него сделать плоскую кровлю, а также прекратить колокольный звон, снять колокола и разобрать верхний ярус колокольни, и таким образом прихожане должны были своими руками перестроить Божий храм под клуб.

Церковный совет Вознесенского храма направил в Президиум ВЦИК прошение, чтобы тот дал «распоряжение Истринскому РИКу о приостановлении всяких административных мер в отношении закрытия церкви до разрешения по существу настоящего ходатайства», в котором он просил оставить храм за верующими, а также направить в храм квалифицированных членов комиссии, которые могли бы установить каково действительное состояние здания.

Под прошением подписались Екатерина Черкасова, Милица Кувшинова, Евдокия Кузьминова и Надежда Семенова. Трех последним церковной общиной была выдана доверенность как ответственным за ходатайство перед властями, а тем самым и за отстаивание дорогой сердцам верующих святыни.

Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) поддержал ходатайство и написал на нем обращенную к властям резолюцию: «Прошу оказать возможное для удовлетворения законного желания общины сохранить за собою храм». Но, несмотря на все старания верующих, их просьба была отклонена и храм был закрыт.

Во время усилившихся гонений на Церковь в конце 1930-х годов соседи по улице, где жила послушница Евдокия Кузьминова, по требованию сотрудников НКВД подписали «свидетельства», в которых сообщалось, будто она говорила: «Заклученных в лагерях заставляют работать день и ночь, по пояс стоять в воде, хлеба им дают по двести граммов, люди умирают сотнями от голода и холода – вот вам демократия и Сталинская конституция, а людей арестовывают больше, чем когда бы то ни было». На основании подобного рода свидетельств, а также того, что Евдокия Кузьминова являлась церковницей, было принято решение о ее аресте.

В декабре 1937 года были оформлены лжесвидетельства, на основании которых начальник районного отдела УНКВД города Истры младший лейтенант госбезопасности Васильев выписал справку на арест послушницы Екатерины Черкасовой, в которой он написал, что она является церковницей и ведет активную контрреволюционную деятельность среди населения, а также высказывает террористические настроения.

Допрошенный 15 января 1938 года свидетель показал, будто Милица Кувшинова говорила: «Это не советская власть, а изверги – закрыли все церкви, полное гонение на верующих, всех верующих арестовывают ни за что. Вот вам и Сталинская конституция!»

19 января 1938 года послушница Евдокия Кузьминова была арестована, в ночь на 20-е – послушница Екатерина Черкасова, 22-го – Милица Кувшинова. Все они были заключены в Бутырскую тюрьму в Москве.

Допросы послушницы Евдокии Кузьминовой начались на следующий день после ареста.

– Следствием точно установлено, что вы, являясь активной церковницей, среди населения города Истры проводили контрреволюционную деятельность. Подтверждаете вы это? – спросил ее следователь.

– Да, я являюсь активной церковницей, но контрреволюционной деятельностью я не занималась, – ответила послушница.

– Вы лжете, в октябре 1937 года вы высказывали контрреволюционные террористические настроения по адресу руководителей партии и советского правительства. Требуем прекратить запирательства и дать правдивые показания.

– Повторяю, контрреволюционных террористических настроений я нигде не высказывала.

– Вы также обвиняетесь в том, что высказывали гнусную клевету по адресу советского правительства и советских законов.

– Никакой клеветы по адресу законов и советского правительства я не высказывала.

Допросы послушницы Евдокии, сопровождаемые угрозами, продолжались двое суток. К допросам был привлечен начальник Истринского районного отдела УНКВД Васильев. Но на все усилия следователей заставить Евдокию признать себя виновной она отвечала одно: «Не признаю».

Допросы Екатерины Черкасовой начались сразу же после ареста и продолжались почти непрерывно, менялись лишь следователи.

– Следствие располагает материалами о том, что вы в прошлом являлись монашкой, – заявил ей сотрудник Истринского районного отдела УНКВД Корниенко.

Послушница Екатерина подтвердила, что, действительно, до 1922 года она находилась в Акатовском монастыре.

– Каким репрессиям вы подвергались? – спросил ее Корниенко.

– С момента закрытия монастыря и до 1936 года я была лишена гражданских прав, – ответила Екатерина.

Следователь допрашивал ее до утра следующего дня, пытаясь добиться от нее признания вины, но нисколько в этом не преуспел, и на следующий день пришел другой следователь, сотрудник того же отдела УНКВД Ключников.

– Следствием установлено, что вы, являясь активной церковницей, среди населения города Истры проводили активную контрреволюционную деятельность и высказывали пораженческо-террористические настроения. Дайте показания! – потребовал от нее Ключников.

– Да, я действительно была монахиней, но контрреволюционной деятельностью я не занималась и пораженческих настроений не высказывала.

– Следствием установлено, что в октябре 1937 года вы распускали провокационные слухи о войне и о падении советской власти.

И следователь зачитал ей показания лжесвидетеля.

– Я никогда провокационных слухов о войне и гибели советской власти не распускала и террористических настроений не высказывала, – ответила Екатерина.

– Следствием установлено, что в ноябре 1937 года вы среди группы жителей выражали сожаление об известных расстрелянных врагах народа.

И следователь снова зачитал показания лжесвидетеля.

– Такого разговора я никогда не вела, – ответила послушница.

Поскольку и этот следователь потерпел неудачу, то пришел третий следователь, сотрудник того же отдела Агафонов.

– Вы арестованы за контрреволюционную деятельность. Дайте показания! – потребовал он.

– Контрреволюционной деятельностью я не занималась.

– Признаете себя виновной в предъявленном вам обвинении?

– В предъявленном мне обвинении виновной себя не признаю, – ответила Екатерина.

Наступил следующий день непрерывных допросов, и третий следователь сменился четвертым.

– Дайте показания о вашей антисоветской деятельности! – потребовал он.

– Антисоветской деятельностью я не занималась, – ответила послушница.

– Вы также уличаетесь в том, что, будучи активной церковницей, распускали провокационные слухи о войне и падении советской власти.

– Я действительно являюсь активной церковницей, но провокационных слухов я не распускала.

Вслед за этим следователем к концу дня пришел пятый следователь, начальник Истринского отдела УНКВД Васильев. И началось всё сначала с теми же вопросами. Но как ни угрожали следователи, сколько ни допрашивали, какие показания лжесвидетелей ни зачитывали, послушница Екатерина на все вопросы отвечала, что виновной себя в контрреволюционной деятельности не признает.

– Вы арестованы за контрреволюционную агитацию, дайте показания по этому вопросу! – потребовал от Милицы Кувшиновой Васильев.

– Контрреволюционной агитацией я никогда не занималась, – ответила Милица Ивановна.

– Следствие предлагает вам быть правдивой и дать показания о контрреволюционной агитации.

– Повторяю, что я контрреволюционной агитацией не занималась.

Допрос Милицы Ивановны продолжался весь день и всю ночь, менялись лишь следователи.

– Следствием установлено, что вы в октябре 1937 года высказывали террористические настроения по адресу партии и руководителей советского правительства, – и сотрудник Истринского отдела УНКВД Ключников зачитал показания лжесвидетеля.

– Дайте показания по этому вопросу! – потребовал от нее Ключников.

– Я такого разговора не вела, – ответила Милица Ивановна.

– Следствие предлагает вам быть правдивой и дать показания о вашей контрреволюционной деятельности, – вновь потребовал Ключников.

– Контрреволюционной деятельностью я не занималась и показания я даю правдивые, – ответила Милица Ивановна.

– Признаете ли вы себя виновной в предъявленном вам обвинении? – спросил ее начальник районного отдела УНКВД Васильев.

– Не признаю, – ответила Милица Ивановна, и на этом допросы были окончены.

23 января 1938 года следствие было завершено, и 26 января тройка УНКВД по Московской области приговорила послушниц Евдокию Кузьминову, Екатерину Черкасову и Милицу Кувшинову к расстрелу. 4 февраля тюремный фотограф сфотографировал их в фас и в профиль, и на следующий день, 5 февраля, они были расстреляны на Бутовском полигоне под Москвой и погребены в неизвестной общей могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский) «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь». Тверь. 2005. С. 210-219

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002. С. 3-8, 11-12.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Январь-Май. Тверь, 2002. / Составитель жития игумен Дамаскин (Орловский). С. 20-30.